

Новому направлению организационной работы я решительно не сочувствовал, да и не мог ему сочувствовать при той позиции, которую я занял во фракционной полемике по поводу раскола с.-д. фракции Государственной Думы. С самого начала я был противником этого раскола и послал даже в петербургскую «Правду» статью под заглавием «В защиту общего знамени». Редакция переслала рукопись в Краков, и оттуда я получил от Ленина дружеское письмо, которым «Ильич» пытался вернуть меня в лоно большевизма.

Письмо начиналось замечанием: «по всему видно, что автор находится в плену у меньшевистски-сволочной компании». А заканчивалось рядом добрых пожеланий, из числа которых запомнилось мне одно: «почаще плюйте на меньшевиков».

Меня это письмо не убедило, и с этого времени началось мое организационное удаление от большевизма.

* * *

Весной 1914 года я решил предпринять поездку по Сибири.

Наметил маршрут: на лошадях до Лены, затем вниз по реке до Якутска; оттуда по Алдану и Мае, на Восток до Нелькана, тем путем, каким в XVII веке пробирались казаки к Великому океану, а дальше пешком через Джугдурский хребет к Аяну на Охотском море.

Разрешение на путешествие я получил без затруднений, несмотря на донесение жандармов Князеву о том, что я еду в Якутскую область организовывать ссыльных для предстоящего «выступления».

Легко добыл я и средства на поездку: через редакцию «Русского Богатства» условился с «Русским Словом» о посылке в газету путевых очерков и получил аванс¹⁾.

¹⁾ Впоследствии мои очерки не увидели света: не до них было газете осенью 1914 г.

Перед самым моим отъездом из Иркутска пришел ко мне с.-р. М. Веденяпин²⁾ и предложил ехать вместе со мной. Веденяпина я знал очень мало. Но это один из тех людей, которых нельзя не полюбить с первого взгляда. Достаточно видеть его мужественное, суровое лицо, освещенное ласковыми голубыми глазами, чтобы почувствовать в нем человека со стальной волей и золотым сердцем. Я был рад иметь такого спутника. Дня два потребовалось на окончательные сборы, и мы двинулись в путь.

До Качуга (верст 200 или 250) мы ехали на почтовых. В Качуге купили за 6 рублей лодку и поплыли по Лене.

Река просыпалась от зимнего сна. Десятками, сотнями чернели на ней лодки с приискателями, плывущими вдаль с мечтой о золоте, скрытом на берегах Бодайбо и Витима.

Добравшись до Усть-Кута, бросили лодку и пересели на пароход.

На остановках спускались на берег, разыскивали политических, расспрашивали их о местных условиях жизни. Картина повсюду была одинаковая — серая, безотрадная: нужда, тоска, ссоры.

Только в Якутске застали сплоченную организацию ссыльных.

Странный город. Дома — избы из бревен чуть ли не в аршин в поперечнике, с заборами похожими на тюремные пали. На улицах пустынно, безлюдно. Лишь изредка проедет якут на тележке, запряженной парой коров.

Было начало июня. Ночью было светло, как днем. Можно было читать без огня.

В Якутске я встретил Ногина («Макара»). Старый партийный работник-большевик, он, как и я, был в то время сторонником единства партии, осуждал политику раскола, много и горячо говорил о вреде, который приносит эта политика рабочему движению.

²⁾ Один из осужденных по московскому процессу социалистов-революционеров в 1922 году.